

Марина ФАДЕЕВА

Родилась в 1966 году в Кстове, Нижегородская область. Окончила Волго-Вятскую академию госслужбы по специальности «менеджер».

Печаталась в коллективных сборниках, альманахах «Земляки», «Русский смех», «Московский вестник», «Писатель года 2013», «Писатель года 2014», «Невский альманах» и других. Автор сборника стихов и прозы «Зеркало души», книги прозы «Поддержи моё небо».

Член Союза писателей России. Живет в Кстове, работает в городском Водоканале.

МЕДАЛЬ

– Может, пора уже? На волюшку хочется!

Вера Семеновна – долгожительница. Шустрая, трудолюбивая старушка старой деревенской закалки. Даже отметив девяностолетний юбилей, не усидит на месте. В холодное зимнее время живет у дочери в городе. Но, как только пригреет весеннее солнышко, как только озорная капля затанцует по подоконникам да небушко прояснеет нежной голубизной, затоскует бабушка, затеребит робко платочек на груди:

– Скорее бы домой!

Насиделась Семеновна за зиму-то в душевной многоэтажке. Руки по земле соскучились, благо ноги еще ходят до огорода, до завалинки у дома еще выбирается. Сидели бы они с кошкой Муськой у палисадника, солнцем обласканные, дышали бы всей грудью медунично-черемуховым воздухом, ходили бы на колоду, где вода кристально чистая, родниковая – холоднющая, аж зубы ломит... А над колодой образа – Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, Серафима Саровского. Святая водичка-то, намоленная... В городе тоже воду не из-под крана пьют, да кто ж знает, что там нальют в эти бутылки-то? Не доверяет старушка этим предприимчивым водовозам...

Дочь Тамара с улыбкой успокаивает мать:

– Вот сойдет вся хлябь, после Пасхи выйдем на машине, поедете с Муськой на свой курорт!

Каждый денечек теперь Семеновна помечает красной пастой в календаре, пересчитывает всякий раз – не обсчиталась ли...

Всю жизнь она проработала в колхозе. Как только земля высвободилась из-под снега, выходила в поле: сеяла, сажала, косила, убирала вплоть до осенних заморозков. А в годы войны трудилась с утра до вечера на окопах да еще двух ртов тянула – всё одна... Муж как ушел в сорок первом, так до конца войны и не видела его Семеновна. Ох, и натерпелась она тогда страху! Когда вражеские самолеты над ними кругами летали, а бежать некуда – кругом поле голое, и они с бабами как на ладони – готовые мишени... Каждый раз молилась истово Богородице, чтобы не оставила она крох её сиротами... Но немцы не бомбили, а только над ними потешались, кружа хищными ястребами, да сбрасывали сверху на перепуганных до смерти женщин тысячи листовок. Все поле усеяно было этими белыми клочками. Как сейчас, помнит Семеновна – крупными печатными буквами слова: «МИЛЫЕ ГРАЖДАНОЧКИ! НЕ РОЙТЕ В ПОЛЕ ЯМОЧКИ! НАШИ ТАНКИ ПРОЙДУТ, ВСЕ ВАШИ ЯМКИ ЗАНЕСУТ!»

А в редкие минуты отдыха вязала Семеновна теплые носки – чтобы хоть как-то поддержать бойцов. Отсылали женщины на фронт эти весточки из дома, сделанные своими руками, с любовью, словно передать хотели: «Мы ждем вас и верим в нашу Победу! Держитесь, родимые!»

В этот раз её юбилей совпал со знаменательной датой – очередной годовщиной Великой Победы. По этому случаю, она получила правительственное письмо с поздравлением президента и юбилейную медаль «Труженику тыла».

Но вот несчастье – перед самым праздником слегла старушка. Вроде только принимала поздравления от детей, внуков и правнуков, а вот уже несколько дней не ест, не пьет: внутри словно жгутом всё сковало, не дышится... Всего-то ничего осталось до светлой Христовой Пасхи, да, видно, не судьба...

– Неужто смертынька пришла?.. Ой, родные мои... – охает тихонько бабушка, заглушает боль, чтобы ненароком не испугать домашних. А глаза – как стёклышки мутные, тускнеют с каждым часом – как прощаются...

– Да что ты, мама! Сейчас врач придет. Посмотрит тебя, выпишет всё, что нужно... – дочь Тамара еле сдерживается, щмыгая покрасневшим носом, а сама за перегородочку, чтобы слез не видел никто.

К вечеру совсем худо стало Семеновне. А врач запаздывает, не торопится. Не в силах больше смотреть на страдания матери, вызвала Тамара скорую. Врач скорой, за минуту осмотрев бабушку и поинтересовавшись её возрастом, равнодушно бросила:

– Что же вы хотите?... Старость! – как вердикт подписала. – Сейчас сделаем болеутоляющее...

– Да не помогает это! Уже дважды делали сегодня, пока врача ждали! Человеку всё хуже! Её обследовать нужно! – с отчаянностью сетует Тамара.

– В таком возрасте, после девяноста, – не берем... – холодно бросает врач. – У нас предписание...

– Предпи... Что-о-о-о?!?!! Что вы такое сказали?..

– Что-что – предписание! Время позднее, заниматься ею никто сейчас не будет. Один дежурный врач на все отделение. Больных – переполненность во всех палатах: молодых-то некуда положить, а вы тут... – хотела было продолжить врач, да не договорила, натолкнувшись на пронзительный, с каждой секундой наливающийся сталью взгляд.

– Если вы сейчас же не заберете её в больницу, я вызову телевидение, я напишу во все инстанции и газеты, что человека, ветерана, как безродного прокаженного... равнодушно бросили умирать...– тихо, чтобы не услышала мать, но твердо, сказала Тамара.

– Что же вы так сразу... Я же... Собирайтесь... Может, и носилки...– дрогнувшим, поменявшим тон голосом произнесла врач и, рассеянным взглядом скользнув по сторонам, медленно побрела к выходу...

Через десять дней Вера Семеновна, к великой радости домочадцев, поправится, получив полноценное обследование и лечение, и вернется домой.

А пока на её прикроватной тумбочке останется лежать... красная коробочка с медалью. И если бы у предметов можно было увидеть душу, то коробочка эта сейчас покраснела бы еще больше. Покраснела от невероятного стыда... Как же возможно такое, что жизнь человеческая обесценивается только потому, что исчерпала себя, как источник действительной пользы для общества!

Но в человеке еще теплится жизнь! Он живой! Ему нужен не суррогат громкого почитания и признания его заслуг, ему необходимо тепло и искреннее сострадание человеческой души, которое дороже всех ценностей и наград этого мира!

Вот такая она бывает – невидимая сторона медали...